

т.-е. живя въ имѣніи Ляличи, Завадовскій (въ 1800 году) писалъ однажды Александру Романовичу: „Прежде я любилъ заниматься древностію латинскою; напослѣдокъ, авторы французскіе умомъ и пріятностію своего языка нечувствительно къ себѣ привязали. Безъ напряженія головы можно въ нихъ сосать просвѣщеніе, а въ латинскую мертвую литературу надобно рыться нахмуреннымъ челомъ. Преемники наукъ, отъ народа въ народъ, всегда дѣлають шагъ далѣе противъ тѣхъ, отъ коихъ заимствовали оныя“ (стр. 252).

Какъ видно, Завадовскій отличался широкою эрудиціею. Нерѣдко въ его письмахъ встрѣчаются латинскія поговорки, ссылки на древнихъ классиковъ: то онъ упоминаетъ о Плутархѣ, то онъ, въ концѣ одного изъ своихъ писемъ къ Александру Романовичу, замѣчаетъ, что письмо „не короче Сенекиныхъ“, и т. п. Весьма рельефно рисуютъ его научныя воззрѣнія, его вкусъ и наклонности слѣдующія замѣчанія въ письмѣ къ Александру Романовичу Воронцову, отъ 20-го ноября 1800 года: „Рекомендуешь мнѣ чтеніе, отъ котораго я не только не отстаю, но еще больше чѣмъ когда-нибудь прилѣпляюсь къ оному въ теперешнемъ моемъ уединеніи. Съ Плутархомъ я знакомъ отъ юности въ переводѣ латинскомъ. Изображеніемъ вещей восхищаетъ вниманіе. Кисть его всегда прелестна, а не всегда правдива. Нерѣдко, отходя отъ простой истины, предпочиталъ оной блистательныя басни, которымъ могъ дать свой удивительный покрой. Светонъ, нѣсколько предшествовавшій ему и отъ котораго заимствованъ, сколько малъ противъ величайшихъ дарованій Плутарха, столько вѣрнѣйшій писатель. Ежели не всѣ, то однакоже многія пробѣжалъ я наши исторіи и лѣтописи. Хаосъ неочищенный отъ лжи и невѣжества. Стоять одни имена и числа, а прочее все завалено грубымъ слоємъ. Отъ глагола къ глаголу, а потомъ изъ книги въ книгу переходили повѣсти, ни разсудительностью, ни явными удостовѣреніями не утвержденныя. Пишущимъ монахамъ не спорили монастырскія стѣны, а міръ легковѣрный, потому что не просвѣщенный, всякую всячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святости. Симъ образомъ, я полагаю, составилась исторія нашей древности, на которую по пустому устремляемъ наше любопытство. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факелъ освѣтилъ ли весь нашъ горизонтъ? Въ безднѣ дикихъ народовъ, препиравшихся между собою, едва виденъ Россѣ. Всю полосу до царства Іоанца Васильевича должно откинуть *in loca imaginaria*, каковы полагались, прежде чѣмъ